

ФИНАНСЫ И РОМАНСЫ

Может ли искусство приносить деньги – тому, кто им занимается, в нашей стране, сейчас? Попробуй только спросить себя о чём-то подобном, как вопросы начнут вспухать, как снежный ком. Какое искусство? Кому? За что именно? Сколько? И так далее до бесконечности.

Чтобы не утонуть – нет, не в деньгах, это искусству пока не грозит, – сузим тему. Не будем стенать по поводу того, что, дескать, «всё продается и всё покупается, нет ничего святого», равно как не будем патетически восклицать: «Искусство не измеряется деньгами!» Как говорил по схожему поводу раввин из старого еврейского анекдота, «вы оба правы».

Не станем также долго задерживаться на вопросе о культурной политике государства по причине отсутствия такой политики как последовательной системы целей и мер для их достижения. Констатируем лишь, что за обретенную свободу творчества, отсутствие цензуры, идеологического диктата художественной интеллигенции пришлось заплатить немалую цену. Моральные потери связаны с понижением социального статуса: у людей успешных «бюджетник» вызывает в лучшем случае сочувствие. Материальные – не с тем, что стали жить хуже, чем в эпоху колбасы по 2.20, а с тем, что стали жить намного хуже других соотечественников (так что и тут моральный фактор сказывается). Государственное финансирование учреждений культуры, если исключить нескольких получателей президентских грантов, съёжилось наподобие шагреневой кожи.

Почему, зачем надо держать «бюджетника» в черном теле? На этот счет можно строить разные предположения, но и это сегодня не наша тема. Хотя не могу не привести слова моего давнего приятеля, профессора одной из российских консерваторий: «Если бы сегодня нам подняли зарплату в 10 раз, бюджет этого не заметил бы – настолько мала наша доля в этом бюджете». Нынешняя зарплата работника культуры – позор для государства, но сейчас, повторю, речь не об этом.

Художники, артисты, в значительной своей части, по-прежнему уповают на державную помощь, ходят на поклон с протянутой рукой, и иногда в некоторые руки что-то падает. Для власти проще дать денег на какую-нибудь одноразовую акцию (скажем, реставрацию здания Большого театра в Москве или строительство Донской публичной библиотеки в Ростове), чем заниматься созданием условий, при которых финансы могут потечь в нужное русло. На государство мы можем влиять один раз в четыре года (и возможностью этой пользуемся не в полную силу), а разговор хочется вести о тех сторонах жизни, на которые влиять можем мы сами каждый день.

Наконец, в этот раз не будем обсуждать ни попсовое искусство (от «Ласкового мая» до продукции «Фабрики звезд»), ни действительно выдающихся и при этом хорошо раскрученных деятелей академического искусства уровня Владимира Спивакова или Валерия Гергиева, которые на недостаток денег не жалуются, по крайней мере, публично.

Поговорим о том, как жить тем, кто не знаменит на весь мир, и как реально живут некоторые музыканты, кого я знаю.

Еще в начале 90-х некоторое число моих коллег, увидев, что профессия не кормит, с ней расстались, стали, к примеру, возить из Турции дубленки или продавать памперсы. Осудит их только закоренелый ханжа. Но большинство, скажем, преподавателей музыкальных школ остались на своих местах. Причин несколько. Нерешительность, страх перед крутым жизненным поворотом, неспособность перешагнуть через устоявшиеся привычки? Безусловно. Но есть и другая, лишь по видимости близкая: невозможность перемениться внутренне. Это похоже на тот барьер, который ни при каких условиях не позволит птичке стать рыбкой, травоядному – хищником, а пчеле – отказаться от сбора меда.

В человеческой породе на свет появляется определенный процент солдат, пахарей и поэтов. Утверждают даже, что процент этот не меняется тысячелетиями. Тот, для кого род деятельности – просто способ заработать на кусок хлеба (пусть даже с маслом и икрой), может переключиться на что-нибудь другое. Тот, для кого работа есть призвание, измениться – без серьезного для себя ущерба – не могут. Бесплезно командировать пчелу на курсы переквалификации, чтобы она впредь строила муравейники, пользующиеся на рынке, допустим, большим спросом, чем мед.

Человек искусства, если он действительно рожден для него, *не может* вот так запросто заняться чем-нибудь другим. Причем неважно, Моцарт это или безвестный музыкант с четвертого пульта вторых скрипок провинциального оркестра. Масштаб одаренности – совсем другая тема.

Вот почему, к примеру, в Ростовской консерватории, где я имею честь служить более 30 лет, вопреки очевидному падению престижа профессии, талантливых студентов отнюдь не меньше, чем в прежние времена, а число лауреатов международных конкурсов и кандидатов наук – даже неизмеримо больше. Высшие силы, которые направили их в этот мир, направили именно для этого.

Так что же, они обречены на бедность? Думаю, всё не так безнадежно. А где небезнадежно, там и небезденежно.

Немного потеоретизируем. Хранить верность призванию, быть исполнителем его воли не обязательно значит застыть, окаменеть, не допускать в себе никаких перемен. В эпоху исторического перелома, как никогда ранее, востребованы адаптационные способности человека. Адаптироваться означает меняться «в предлагаемых обстоятельствах».

Натурам сильным и ярким, возможно, отвратительна сама мысль о том, что они «приспосабливаются к действительности», – недаром слова «приспособленчество», «приспособленец» имеют открыто негативную окраску и снабжены в словарях пометой «презр.» (презрительное). То же относится к их иностранному аналогу – понятию «конформизм»: пассивное и зачастую корыстное принятие существующего порядка вещей, господствующих мнений и т. п.

В популярной песне поется:

Не стоит прогибаться под изменчивый мир –
Пусть лучше он прогнется под нас!

Хорошо сказано, броско. Но не дай Бог сделать эти строчки правилом повседневной жизни! С таким же успехом можно написать на своем фамильном гербе: «Не подчиняюсь закону всемирного тяготения!»

Способность к адаптации заложена во все живое, она есть условие самосохранения и развития. Физиологи знают: любой живой организм, чтобы выжить в определенных условиях, должен уметь заранее готовиться к внешним воздействиям, особенно неблагоприятным. Как известно, из Ледникового периода, длившегося около 25 миллионов лет, вышли только те биологические виды, которые более других способны к изменению, остальные гордо вымерзли. В то же время, меняться бесконечно, «до неузнаваемости» человек тоже не может. Для биологического вида это означало бы перерождение или гибель. Для личности – «потерю себя», то самое приспособленчество, которое упомянуто выше.

Понятно, что для артиста, художника, вообще деятеля культуры *безоглядное* приспособление к условиям жизни неминуемо оборачивается приспособленчеством. Фокус в том, чтобы сочетать адаптационные способности и устойчивые качества собственной природы. Кстати сказать, именно в бесконечных поисках такого баланса шла эволюция человека, *homo sapiens*. Поиск такого баланса личностью творческой

приобретает особые формы – и особый драматизм. Оно и неудивительно: ныне формируются и практически внедряются в жизнь новые правила игры, с которыми наше общество не знакомо – и общество в целом, и отдельные социальные группы, и организации, и индивиды. А как вы хотели – после 300 лет крепостного права и 70 лет строительства коммунизма, вытравивших из российского менталитета способность и стремление проявлять инициативу, искать свое место под солнцем, нести личную ответственность за себя и своих близких? К счастью, вытравивших не дотла.

Несколько примеров, ради которых, собственно я и затеял весь разговор.

Мой добрый друг, москвич Григорий Фрид, недавно отметивший 90-летие, – композитор, профессионально занимающийся также живописью и литературным трудом, удостоенный за просветительскую деятельность специальной премии мэрии Москвы. Немалым усилием воли останавливаю себя, чтобы не начать говорить о нем подробно и чтобы привести только одно из его мудрых высказываний: «Я считаю, что зарабатываю колоссальные деньги и плачу огромный налог на удовольствие, получаемое оттого, что занимаюсь только тем, что люблю». Быть на десятом десятке лет востребованным, удовлетворенным эмоциональными контактами с окружающими, критичным в отношении к самому себе, но полным юмора и терпимости в отношении других, оптимистически относиться к жизни, иметь вполне положительный жизненный баланс – неплохой пример для подражания. Скажете: при чем тут деньги? А при том, что человек с подобными характеристиками скорее сотворит нечто такое, за что могут заплатить.

Моя коллега, профессор консерватории Александра Крылова много лет занималась чрезвычайно интересными, но, увы, абсолютно нерыночными вопросами теории музыки. Потом увлеклась проблемой «Звук в рекламе», которую в таком ракурсе мог изучить именно музыковед, а не «чистый» рекламщик. Создала учебный курс, написала ряд статей, замечательную книгу, выросшую в диссертацию, ныне она доктор культурологии. Но главное, ее рвут на части коммерческие вузы, спрос на ее знания существенно превышает человеческие возможности.

Вячеслав Кущёв в свое время окончил консерваторию как баянист, был на комсомольско-партийной работе, защитил кандидатскую по философии в МГУ, в годы второго пришествия капитализма в Россию ушел в бизнес, которым занимался, как говорят, успешно. С 1999 года – генеральный директор и художественный руководитель Ростовского музыкального театра. Театр ни минуты не был провинциальным по духу, с первых дней заявил о себе как динамичный и амбициозный. Коллектив уже несколько раз гастролировал за рубежом, завоевал престижную премию «Золотая маска», недавно представил четыре спектакля на сцене Большого театра в Москве, вызвав горячий прием избалованной столичной публики и положительные отклики не склонной к раздаче похвал прессы. Труппа набирает высоту стремительно, для работы с ней В. Кущёв приглашает лучших российских и зарубежных режиссеров, сценографов, а мировым шедевром – оперой «Травиата» – дирижировал итальянский маэстро. Тут пригодилось и музыкальное образование, и тонкое знание «коридоров власти», и широта мышления, и умение делать деньги, которые, соединившись, дали новое качество.

Таганрожец Александр Гуревич – тоже выпускник консерватории, скрипач. Много лет работал преподавателем музыкального училища и музыкальной школы. А в 1991 году создал камерный оркестр, создал именно в то время, когда, казалось, всё только рушится и разваливается. Кто-то, стало быть, оплакивал «эпоху стабильности», а кто-то созидал новое. Через год коллектив получил статус муниципального. (Кстати сказать, в Таганроге, с его 300 тыс. населения, четыре муниципальных музыкальных коллектива; в миллионном Ростове... три.) В состав оркестра вошли лучшие музыканты города: выпускники Ростовской и Саратовской консерваторий, Таганрогского музыкального училища и музыкального факультета педагогического института. А. Гуревич нашел способ дать

работу и заработок не только себе, но и полутора десяткам единомышленников. Коллектив востребован в Таганроге, его концерты проходят во Дворце Алфераки, городском Дворце культуры, на предприятиях при заполненных залах. Оркестр гастролировал в Германии и Украине, участвовал в международном фестивале, записал CD. С коллективом работал создатель театра «Новая опера» в Москве, дирижер Евгений Колобов, артисты оркестра «Солисты Москвы» под управлением Юрия Башмета. В январе этого года, в разгар небывалых для наших мест морозов, на состоявшихся двух подряд рождественских вечерах (с одной и той же программой!) свободных мест не было.

Музыканту пришлось стать менеджером и продюсером своего оркестра, научиться считать деньги, заботиться о рекламе, продаже билетов и т. п. Стало быть, нужно уметь найти собственную социально-экономическую нишу, предложить людям то, что им интересно и потому будет, простите, куплено. И, само собой разумеется, начать делать то, чего раньше не делал. Не изменяя себе, своему призванию. Более того, в свое удовольствие.

Последний пример – из московской музыкальной жизни. В программу одного из фестивалей был включен концерт из произведений, созданных заслуженно почитаемыми композиторами *на заказ*, то есть за деньги. На афише значилось: «Музыка на продажу». Название остроумное, провокативное и полемичное – по отношению к одному из утверждений, приведенному в начале статьи. То есть искусство может стоить денег, оставаясь при этом искусством.

Ну, а я сам? Вот, отвлекшись от преподавания и от работы начальника редакционного отдела консерватории, статью написал. Мне было интересно размышлять на эту тему, труд был в радость. Если еще и хорошо заплатят...

Р. С. Если эти строки попадутся на глаза кому-нибудь из представителей власти или хотя бы относительно крупного бизнеса, не поймите их в том смысле, что бедным музыкантам, в массе своей и впрямь бедным, не нужны помощь и поддержка. А вы, мои дорогие коллеги и товарищи по материальному положению, уповайте не только на получение «рыбки», но, главным образом, – на «удочки».

Доходный форум. 2006. № 1.